Sonderdruck aus:

Historische Forschungen
Band 106

Geheime Post

Kryptologie und Steganographie der diplomatischen Korrespondenz europäischer Höfe während der Frühen Neuzeit

Herausgegeben von
Anne-Simone Rous
Martin Mulsow

Duncker & Humblot · Berlin 2015

For a more correct version of the code key and document transcription, please, see the Russian language version of this article.

Ciphers in Early Tudor Diplomacy: the Case of Tommaso Spinelli's Private Letters

By *Ekaterina Domnina*

I would like to start this discussion from recalling one of the most well-known examples of the early Tudor interest in cryptology, the Utopian alphabet, which appeared in the first edition of Thomas More's book in 1516. Based on the simple substitution principle this cipher uses a constructed script, thought to have been devised by Thomas More himself and his friend, the actual printer of the book Pieter Gillis. Leaving aside a long and interesting discussion on the nature and meaning of these signs for More's philosophical concept, I would like to point out only one aspect of the message conveyed through this artificial language: it was designed to keep information save from those, who were not entitled to get access to it.[1] Being one of the key-politicians at Henry VIII's court Thomas More certainly knew well the dangers of losing keys to the state secrets.

Indeed, in early sixteenth century simple substitution cipher systems had slowly been paving their way from the Italian states into the rest of the Western Europe, becoming an essential part of the diplomatic practice during the Italian wars (1494–1559). Both Henry VII and his son Henry VIII were striving to bring England out into the limelight of European politics after the turbulent period of the Wars of the Roses. They were eager to improve their diplomatic practice by catching up with the latest developments of their European neighbours. The art of cryptology was one of those skills the early Tudor diplomatic machinery needed to acquire.

The study of the early Tudor 'Black chamber', that is to say answering the question, who devised the ciphers, how often they were changed, how the cryptographers were chosen, trained and controlled, how the ciphers were handled down from the royal chancellery to the diplomats and vice versa are difficult to answer. While the name of Sir Francis Walsingham and his cryptographers from the era of queen Elizabeth I are well known, those from the times of her father and grandfather still lay in obscurity.[2] At this stage of research, the main obstacles are not only the scarcity of sources,

---

[1] Cf. *Strasser*, p. 69 ff.

[2] *Daybell*, p. 148 ff.; *Sowerby*.

but also the lack of research on this subject, based on the available material. In this sense, a thorough reappraisal of early Tudor diplomatic practice sources is needed for answering some of these questions.

This paper is aimed to make an addition to the discussion, by looking at some ciphers that were used in the in English diplomatic practice at the end of the fifteenth and the beginning of the sixteenth century. The source material in focus is, however, not that of official origin, but of private one. My research is based on the private correspondence of a diplomat Tommaso Spinelli (1472–1522), who was one of the first English resident ambassadors in Europe. A Florentine by birth, he served Henry VII and his son Henry VIII at the court of German emperors and travelled extensively between Flanders, England, France and Spain. Apart from a large number of official diplomatic dispatches, which are preserved among the collections of the British library and the Public Record Office, Spinelli left a significant number of private letters, which are part of the Spinelli Archive in the Beinecke Rare Book and Manuscript Library. These letters were addressed to his younger brother Leonardo (1473–1531), who served as a canon at Santa Maria del Fiore and was also a chamberlain to the pope Leo X. Around a hundred of these letters have been identified and almost one third of them contained ciphered fragments. When studied along with Tommaso's official dispatches these letters shed additional light on political, cultural and economic relations between early Tudor England and the continent. While the official Tommaso's letters were long time deciphered, his private ciphered messages had never been studied before.[3] In my research I aim to establish what purpose they were used for and whether this method of securing information was effective or not.

Tommaso Spinelli belonged to the one of the most influential Florentine families, who along their relatives and business partners, namely Frescobaldi, Gualterotti, Bardi, and Medici themselves, acted as bankers, merchants and traders in England, and were often employed to procure interests of English royal family and government in Europe[4]. The security of their position was supported by their proximity to the della Rovere family and later on to the Medici. In the first quarter of the sixteenth century the main interest of Spinelli in England was banking and diplomatic service, whereas in Italy and Europe they were known also for promoting their silk business, which had been their specialty since the fourteenth century.

Tommaso (1472–1522) was the oldest son of eleven children of Guasparre di Lionardo Spinelli (1442–1501) and Alessandra di Piero Gualterotti.

---

[3] Spinelli Archive, box 123, folders 2459–2466; box 126, folders 2566–2587. I am grateful to Dr. Marcello Simonetta for sharing a list of Spinelli's letters with me.

[4] *Caferro/Jack; Sicca.*

Information on his educational background is scant; however, he obviously received some, for he was a polyglot, speaking French, English, Latin and apparently Spanish, apart from his native Italian.[5] Apparently, in his late teens Spinelli was sent to the Netherlands to his Gualterotti relatives to learn trading or banking business, but soon he found himself travelling extensively between Flanders, France, Rome and Florence not only for his family affairs, but also in favour of his home-state interests. In the summer of 1495, i.e. less than a year since the start of the French invasion into Italy, he was sent to the French court to be an official representative of the Florentine republic until the arrival of the Florentine ambassadors Guidantonio Vespucci and Neri Capponi. Apart from being a bearer of the republic's message to Charles VIII, it is not clear what kind of powers Spinelli actually had in this mission, but it is worth noting that in his letter of recommendation from the Council of Ten to Philippe de Commynes he is described as a person well known to him.[6] This suggests that this was not his first involvement into diplomatic matters. Spinelli was again mentioned in 1502 as a Florentine messenger in several letters of Niccolò Machiavelli to Signory. Machiavelli wrote them during his stay in Imola at the court of Cesare Borgia, belligerent son of the pope Alexander VI.[7] This time Spinelli was employed by Machiavelli for channelling his correspondence to protonotario Antongaleazzo Bentivoglio, the son of Bologna's ruler Giovanni II, and back. Just like other stages of the Italian wars this one involved negotiations between several princes, not only the Borgias, who were keen to add Bologna to their possessions, but also the French king Louis XII and the Medici. Naturally, Spinelli was not a key figure in these negotiations, but even this marginal involvement provided him with valuable experience and connections.

Several years later, from about 1505, Tommaso Spinelli firmly established himself in the Netherlands. Most of his letters to his brother Leonardo from this period indicate that he was shuttling between Bruges, Antwerp, Ghent and Brussels dealing with various family and partners' business matters.[8] What is also evident from his letters is that he was looking for a place in the diplomatic service in the Netherlands either for the Habsburgs, or for the Tudors. He succeeded with the latter. In November 1509 he proudly wrote Leonardo that he was nominated to reside in Henry VIII's name at the court of the Archduchess Margaret of Savoy, the Governor of the Netherlands: '... qui venuto verso questo Serenissimo Re mio signore e padrone

[5] For Spinelli's later career see: *Behrens*, Office.

[6] *Kervyn de Lettenhove*, p. 213–214.

[7] *Macchiavelli*, p. 268, 313.

[8] Spinelli Archive, Box 126, folder 2569, 2570, 2571.

a nome del quale mi rietorno in Fiandra per far la residentia in corte della illustrissima madama Margherita e servirlo in quello occorrera'.[9] Earlier that year in a French letter to this young Tudor monarch Spinelli was advertising his services for his late father and apparently exaggerated his importance, saying that even before official approval from England the Archduchess regarded him as his representative.[10] Even without this excessive self-advertising, such a person, as Spinelli, experienced in languages, various business and diplomatic commitments was a valuable addition to the emerging Tudor diplomatic service.

Wherever Spinelli stayed, he corresponded with his brother in their mother language, sending letters either to Florence, or to Rome. On the average, he wrote at least once in several months, sometimes more often, depending on the situation. The general style of his letters was usually concrete and business-like, but always included a section, in which Spinelli was passing on greetings to his relatives, or friends, enquired about his brother's health, complained of his own and asked for mailing him some necessities, such as face powder and musk soap.[11] Almost every letter of his also contained passages on his current diplomatic work and side jobs, and it were these pieces of information that he usually asked his brother to keep secret. Starting from about 1515 in order to insure that this secrecy was properly observed a cipher was introduced into their correspondence. The referral to a cipher is first recorded in a letter to Leonardo of 3 January 1515. Here Tommaso asked his brother to cipher certain parts of their correspondence to keep some information safe from their other brother Niccodemo, but it is not clear what information he was referring to.[12] However, it is evident that this method of securing information proved reliable, as from the summer of 1515 ciphered passages were frequently incorporated into Spinelli's private correspondence.

About the same time, Spinelli also attempted to introduce ciphering into his official correspondence with the English government. In a letter of 18 January 1515 to Henry VIII, Spinelli informed Henry VIII that he was reporting all matters of importance in cipher, the key of which he would send by the Deputy of Calais.[13] He received no answer from Henry VIII's government and had to ask two more times for providing him with a cipher. Without one his correspondence was easily accessible by the Habsburg of-

[9] Spinelli Archive, Box 126, 2571, 8.11.1509, London.

[10] *Behrens*, Office, p. 167.

[11] Cf. Spinelli Archive, Box 126, Folder 2574, 29.11.1513, Mechlin.

[12] Cf. Spinelli Archive, Box 123, Folder 2460, 3.01.1514 [1515], Brussels.

[13] Letters and papers, II, No. 35.

ficials in the Netherlands.[14] Only at the end of summer did Spinelli receive a cipher from Wolsey, as he stopped asking for it in his ensuing correspondence with him.[15] He would use this cipher throughout his entire diplomatic career.[16]

The same is also true for the cipher Spinelli used for corresponding with his brother, throughout seven years of it usage (1515–1522), he never changed it completely, making only minor additions. None of the original keys to his cipher survived, however, it was possible for me to break it and reconstruct the key to it. It is important to note that his private cipher was different from the one he used in his official correspondence. In his private correspondence Spinelli relied on a homophonic substitution cipher, a type of cipher in which plaintext letters map to more than one symbol of the constructed script. In this kind of cipher the highest-frequency plaintext symbols are given more equivalents than lower frequency letters. In this way, the frequency distribution is flattened, making analysis more difficult. However, once the cipher is broken, it is simply a matter of time and patience to establish the meaning of all signs. In his cipher Spinelli also used 'null' characters, apparently to make the breaking of it more difficult. For 'null' characters in his cipher he used signs similar to the Arabic numerals, whereas all other letters of the Italian alphabet were substituted with various signs, originating from Latin, Greek, Hebrew, and alchemic symbols. Only one letter of the Italian alphabet, the ever-silent 'h' was not substituted by any sign and appeared in Spinelli's cipher as itself (see illustration no. 1).

Although official and private cipher alphabets of Spinelli were not identical, they stemmed from the same source. The origins of these signs date back to the ciphers used by the papacy, Mantua and Milan between fourteenth and fifteenth centuries.[17] However, it is not clear completely where Spinelli's ciphers originated and who constructed them. One source of inspiration could have been the Habsburg administration in the Netherlands, who used ciphers in correspondence with its official and unofficial diplomacy. The evidence for this are the materials of Perkin Warbeck's case (1490–1499). A young pretender of the Flemish origin claimed himself to be the son of Edward IV, Richard of Shrewsbury, the first Duke of York, who miraculously escaped the death in Tower and Richard III's reign. Thus, Warbeck was threatening the security of Henry VII's position on the English throne. The most ardent supporters of Warbeck's case at a later stage

---

14 Letters and papers, II, No. 209.

15 Letters and papers, II, No. 905, 13.09.1515.

16 *Mattingly*, Renaissance, p. 215.

17 *Meister*, Anfänge; *Meister*, Geheimschrift, p. 24–118; *Petrucci*, p. 393–401; *Simonetta*.

	Sign	Letter	Sign	Letter	Sign	Letter	Sign
A		H		R		NN	
B		I		S		PP	
C		L		T		Qua	
D		M		U/V		Que	
E		N		Z		RR	
F		O		Nulla		SS	
G		P		CC		TT	

Fig. 1: The key to the private cipher of Tommaso Spinelli, 1515–1522. A reconstruction (Ekaterina Domnina).

of his career were the German emperor Maximilian I and Margaret of York, the dowager Duchess of Burgundy, sister of Edward IV and an aunt to the unfortunate Richard of Shrewsbury. After Warbeck's seizure and imprisonment, a group of his English supporters tried to organize his escape and corresponded with him, using a substitution cipher. The trial revealed that the cipher belonged to Warbeck and, most probably, he had received it from his Habsburg helpers.[18]

The Habsburgs in turn ~~knew~~ might have known about Spanish ciphers, devised by Miguel Pérez de Almazán (?-1514), the First Secretary of State to the King Ferdinand of Aragon at the turn of the fifteenth century. English government got knowledge of these ciphers around 1505, when King Ferdinand the Catholic started using them for correspondence with his daughter Catherine of Aragon, at that time a widow of Henry VII's oldest son Prince Arthur.[19] It

[18] *Arthurson*, p. 149.

[19] *Bergenroth*, Remarks, pp. xii–xiii, xcv, cxxxvii–ff; *Arthurson*, p. 50; *Galende Díaz*, pp. 149–150.

took the English some time to learn, but from about 1508, John Stile (?–1528?), an English ambassador, started using a simplified variant of one of the Spanish ciphers in his reports to the English government.[20] However, since Spinelli had to ask Wolsey and Henry VIII for a cipher in 1515, the implementation of ciphers in ambassadorial correspondence did not become a common practice until several years later.

Another probable source of knowledge on the practise of ciphering both for the early Tudors and for Spinelli was the Roman curia. By the beginning sixteenth century, England had already had a tradition of the residential ambassadorial representation at the papal court, as well as a small, but reliable group of supporters among Italian nobles in Rome.[21] The early Tudors for procuring their interests at the papal court employed several Italian families, such as Gigli of Lucca and later on Casali of Bologna. Alike to Spinelli, these families had strong connections within the Catholic Church, but were also eager to promote themselves in England by acquiring lucrative church benefits and promoting their compatriots at the king's service. From 1514 the resident English ambassador in Rome was the Bishop of Worcester, Silvestro Gigli (1463–1521), a politician of a Machiavellian style, being eager to serve both the English crown and the papacy. According to rumours, Gigli had poisoned his predecessor in Rome Christopher Bainbridge (1462/3–1514), the Cardinal of the Roman Church and the Bishop of York, in order to open these prestigious positions to his patron Thomas Wolsey.[22] The investigation into the causes of Bainbridge's death was a sensitive matter and it came as no surprise that Gigli started using a cipher for his correspondence with the English government. The first known record of his mentioning a ciphered message is of February 1515, and from the context of this letter it is clear that he had already been using such method for securing information for some time.[23] Later on, the usage of ciphers in diplomatic dispatches became a common practice for Gigli, as well as for other English representatives at European courts. All of them relied on simple substitution ciphers.[24]

This inevitably required a whole set of secretaries in England to deal with their correspondence. Despite their evident importance, we know very little about these people. It is tempting to suggest that Thomas More could have been involved with the creation of these ciphers, as his Utopia with its

---

20 On John Stile see *Gairdner*, pp. liii–lv and *Brewer*, p. xcv–xcvii.

21 *Behrens*, Origins, p. 640–656; *Wodka*; *Wilkie*; *Fletcher*.

22 Letters and Papers, I, no. 5253.

23 Letters and Papers, II, no. 110.

24 For Gigli's letters in cipher see references in: Letters and Papers, I, II. See also: *Richards*.

cryptographic alphabet appeared in 1516, but there is no firm evidence to support this conjecture. During the first years of their introduction into diplomatic practice, another Italian, Andrea Ammonio, Henry VIII's Latin secretary and minor humanist from Thomas More's circle, deciphered them.[25] Later on, apparently, Sir Brian Tuke, the principal secretary to Henry VIII, and Thomas Wolsey himself deciphered the diplomatic dispatches.

Ciphers that English ambassadors employed abroad were rarely changed. This means they were rather secure, despite their simplicity. Elaborate cryptographic methods of Leon Battista Alberti, or Johannes Trithemius were unknown in England at that time. The situation did not radically change in the later period, even in Elizabethan times the ciphers were not regularly altered.[26] One explanation for this is that English language was not widely used in diplomacy, being inferior to Latin, French and Italian[27]. Even in 1578 John Florio, a son of the Florentine expat in London, wrote in his first English-Italian textbook: 'It is a language that wyl do you good in England, but pass Douer it is worth nothing'.[28]

As it has been already noted, Spinelli also did not change his cipher throughout his lifetime, which could also mean that he thought it to be secure. Encoding could also seem a tedious business for him, which required a lot of work both for him to cipher the message and for his brother to decipher it. This probably explains that in his letters the text was not always written exclusively in code, but more often was built of a mixture of coded passages and plaintext. This raises another question about what kind of information he thought necessary to hide from the eyes of the unsolicited reader. Family business affairs, rumours about deaths of important relatives were among such pieces of information that he usually ciphered, but mostly he encoded passages and even whole letters, in which he expressed his own opinion on the official meetings and talks. Apart from that, he sought to hide the fact that, he was transferring sensitive official information to the third parties; something that he was not expected to do.

An example of this is provided by Spinelli's letter to Leonardo of 2 July of 1520, when Spinelli was accredited as an ambassador at the court of German emperor Charles V (see illustration no. 2).[29] This letter included a large passage in cipher, in which Spinelli expressed his opinion on the conference between the Henry VIII and Francis I, which took place in Bal-

[25] For Ammonio see Letters and Papers, vol. I, II; *Pizzi*.

[26] *Daybell*, p. 148 ff.

[27] *Domnina*, p. 102–112; *Haye*, p. 17 ff.

[28] *Florio*, Fol. 50r.

[29] Spinelli Archive, box 126, Folder 2583.

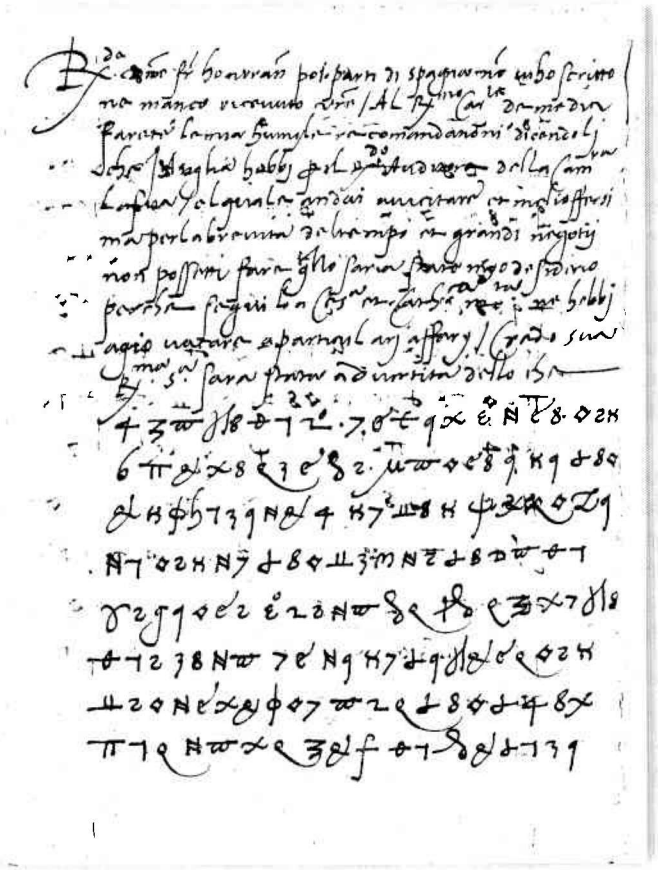


Fig. 2: Tommaso Spinelli to his brother Leonardo, 2 July 1520, Antwerp (fol 1r) (Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University, Spinelli Archive, Gen Mss 109, box 126, Folder 2583).

inghem, near Calais in June 1520. A lavishly organized meeting, most commonly known as a meeting on the Field of the Cloth of Gold aimed at promoting friendship between the two kingdoms, proposed the establishment of the universal piece and the organisation of a new crusade.[30] Despite high rhetoric and noble intentions to end the war in Italy this meeting had little political effect. In a rather candid manner, Spinelli was referring to this conference as a complete waste of time for both the English and the French kings ('... *che passò de qua, et per questo non dirò altro tanto e*

[30] *Mattingly*, Nonaggression Pact, pp. 1–30; *Russell*; *Richardson*, pp. 404–415.

ne con inghilesi, ne con franzesi non se concluso cosa'). He was describing Cardinal Wolsey, who had been the main engineer of that meeting, as an unpractical dreamer ('*el nostro cardinale ha di alte fantasie, et sono le cose a termine* ...'), who apparently could not understand that the French should be sold the idea of a new Crusade to win time for preparing a new Italian war. Spinelli urged his brother to inform Cardinal Giulio Medici and the pope Leo X that they should not delay with making a new alliance with the emperor against the French.

In this letter Spinelli apparently underestimated the cunningness of Wolsey, who concluded an alliance with the German emperor against France less than a year after this memorable meeting.[31] However, in general his judgment of the whole situation was very reasonable and realistic. What is also interesting in this letter is that Spinelli directly criticized his English patrons and declared his only allegiance to the Holy See: 'I am here for the pope, not to enrich me' ('*Sono qua per il papa, non sono per alargarme* ...'), he wrote. Such an opinion would probably have not been particularly welcomed either by Henry VIII, or by the Cardinal Wolsey, if they were to read this letter of Spinelli. In fact, most probably, it could ruin his career. At the same time, the openness and frankness with which Spinelli spoke his mind in this letter underlines that he indeed trusted his cipher.

The employment of ciphers in Spinelli's private letters was designed to protect its contents from being revealed by the third parties. In this sense they fit neither into the category of the merchant's letters, nor into the category of the *avvisi*, which were usually open sources of information.[32] Spinelli was not aimed at meticulous recording of events, but rather sought to analyse them and foresee their results. He attempted to keep his brother and his Medici patrons well-informed about the development of the big European politics, which he witnessed, without being considered a spy by his English masters. From this perspective Spinelli's private letters demonstrate that he was aware of his role of a servant to two masters, and his sense of duty for the English side conflicted with his sentiments towards his Italian homeland. By using ciphers in his private letters he grew accustomed to the idea of employing them in his official letters, which to certain extent helped the government of Henry VIII to introduce this relatively new technique into its daily diplomatic practice.

---

[31] *Gwyn*, pp. 755–772.

[32] *Infelise*, pp. 33–52.

Appendix

Tommaso Spinelli to his brother Leonardo, 2 July 1520, Antwerp[33]

Deciphered text appears in cursive.

Reverende domino nostro fratre honorando, poi partì di Spagna, non vi ho scritto, ne mancò ricevuto vostre. Al reverendissime Cardinale de Medici[34] farete lettera humile recomandandovi, dicendoli, che in Anglia habbì per il Reverendo[35] audientia della camera la sua, el quale andai am[i]citate, et me li offersi, ma per la brevità del tempo et grandi negotij, non possemi fare quello saria stato mio desiderio, perché segui li a Cesarea[36] et Christianissima Maestà[37], ne hebbi agio nature a particulari affary. Credo, sua Reverendissima Sanctità[38] sara stata advertita dello, che *passò de qua, et per questo non dirò altro tanto e ne con inghilesi, ne con franzesi non se concluso cosa. De momento che lo sarà, era presso Dio lo sa, et se necessità non constrigne al[l]a concordia, sarà più di rice[n]te, ||che molti non pensano, et se non fusse per le cose turchesi, [c]he dire. E che e[l] nostro signore non pigleassi le materie tanto chaldo, perché non vi vedo vantagio per Sua Santità, et preste me ne fede, credendo, che el nostro cardinale ha di alte fantasie, et sono le cose a termine, che nessuno di <qua> questi dua regi per dubio de l'altro non usa contraddere. Et se Sua Santità havessi concluso con Cesare tanto virtuoso et || a [di]rectione sua, que la Santa Sede non se stimereb[b]e, quel[l]o non si debe, quanto a fra[n]zest [sic!] vendereb[b]ano la croce per uno loro conmodo et guadagnare tempo, pensando come schappano unno punto, schappare l'altra, ma bene spesso si getta la pietra tanto ennanzi che poi non se puo tirare indrieto [indietro].*

Hora in questo nostre convento vedrò, dove il tutto si resalverà, ma con sanesi ho altre di queli. Sono qua per il papa, non sono per alargarme, ma bene, a voi scriverrò. || Et cosi det[t]e al prefato reverendisseme et che in me sempre haranno uno fidelissemo servitore.

Et chosi come a don Pedro Dureas[39] dette a me, abatia ha in Chatalognia, vorrei la compiacessi et concedessi a voj, che non vale più di duce CCC. Et per tal via dare [de]bbano causa alli homini spogliarsi in g[i]ubbone, perché ciascuno serve con speranza di premio et remuneratione. Certificandovi, che *li mea argumenti et ragione bastano a le volte a persuadere et dessuadere*, il che sempre sarà a benefitio, honore et utile di q[ue]lla serenissima chasa. L'aulditore della chamera è molto più a intero dal nome, che dalla presentia, il che è molto extimato universalmente et presertim da nostri Anglici. *Comunechate tutto con il || reverenlimo et etiam con*

---

33 Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University, Spinelli Archive, Gen Mss 109, box 126, Folder 2583. I am grateful to Dr. Massimo Scandola for help with checking the transcription of this text.

34 Giulio di Giuliano de' Medici (1478–1534), future pope Clement VII.

35 Cardinal Thomas Wolsey (1473–1530), Archbishop of Canterbury.

36 Charles V, Holy Roman Emperor (1519–1558).

37 Francis I, king of France (1515–1547).

38 Giovanni di Lorenzo de' Medici, pope Leo X (1513–1521).

39 One of Spinelli's informants.

fratre Niccolò, pregando l'uno et l'altro, che i[l] tutto sia secreto, valete. Andorpie, die secundo Julii MDXX.

Bibliography

Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University, Spinelli Archive, Gen Mss 109, box 123, folders 2459–2466; box 126, folders 2566–2587.

Arthurson, Ian: Espionage and intelligence from the Wars of the Roses to the Reformation, in: Nottingham Medieval Studies 35 (1991), p. 134–145.

Behrens, Betty: Origins of the Office of English Resident Ambassador in Rome, in: The English Historical Review 49, Vol. 643 (1934), p. 640–656.

Behrens, Betty: The Office of the English Resident Ambassador: its Evolution as Illustrated by the Career of Sir Thomas Spinelly, 1509–1522, in: Transactions of the Royal Historical Society 4th ser., 16 (1933), p. 161–195.

Bergenroth, Gustav A.: Remarks on the ciphered messages in the archives at Simancas, in: Calendar of State Papers, Spain, Vol. 1, 1485–1509, London 1862, p. xii–xiii, xcv, cxxxvii.

Black, Christine J./*Challis,* C. E. (Ed.): Henry VIII to his ambassadors at the Diet of Ratisbon, 17 June 1541, deciphered, York 1968.

Brewer, John S.: Introduction, in: Letters and Papers, Foreign and Domestic, Henry VIII, Volume I, 1509–1514. London 1862, p. xcvi–xcvii.

Caferro, William/*Jacks,* Philipp: The Spinelli of Florence. Fortunes of a Renaissance Merchant Family, Pennsylvania 2001.

Chambers, David S.: Cardinal Bainbridge at the Court of Rome, Oxford 1964.

Daybell, James: The Material Letter in Early Modern England. Manuscript Letters and the Culture and Practices of Letter-Writing, 1512–1635, London 2012.

Domnina, Ekaterina: Yaziki v anglo-papskoy diplomatii v kontse XV – pervoy polovine XVI v. [Languages of the Anglo-papal diplomacy in the last quarter of the 15th century and the first half of the 16th century], in: Vestnik MGU. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya 4 (2007), p. 102–112.

Fletcher, Catherine: Our Man in Rome. Henry VIII and his Italian Ambassador, London 2012.

Florio, John: Florio his firste fruites which yeelde familiar speech ... [London, 1578], STC (2nded.), N 11096.

Gairdner, James: Introduction, in: Memorials of King Henry VII, Rolls Ser. X, London 1858.

Galende Díaz, Juan C.: La correspondencia diplomática: criptografía hispánica durante la edad moderna, in: Actas del VI Congreso internacional de Historia de la Cultura Escrita, vol. I, Madrid 2002, p. 145–155.

Gwyn, Peter: Wolsey's Foreign Policy: The Conferences at Calais and Bruges Reconsidered, in: The Historical Journal 23 (1980), p. 755–772.

Haye, Thomas: Die lateinische Sprache als Medium mündlicher Diplomatie, in: Gesandtschafts- und Botenwesen im spätmittelalterlichen Europa, hrsg. von Rainer Christoph Schwinges/Klaus Wriedt (= Vorträge und Forschungen/Konstanzer Arbeitskreis für Mittelalterliche Geschichte 60), Sigmaringen, 2003, p. 15–32.

Infelise, Mario: From merchants' letters to handwritten political avvisi: notes on the origins of public information, in F. Bethencourt, F. Egmond, eds., Cultural Exchange in: Early Modern Europe, III, Correspondence and Cultural Exchange in Europe 1400–1700, Cambridge 2007, p. 33–52.

Kervyn de Lettenhove, Joseph: Lettres et négociations de Philippe de Commines. Vol. 2, Bruxelles 1868.

Letters and Papers, Foreign and Domestic, Henry VIII, Volume I–II, London 1862–1864.

Macchiavelli, Niccolò: Opere di Niccolò Macchiavelli: con giunta di un nuovo indice generale delle cose notabili, Vol. 6, Milano 1821.

Mattingly, Garrett: Renaissance diplomacy, Baltimore 1955.

Mattingly, Garrett: An Early Nonaggression Pact, in: Journal of Modern History 10 (1938), p. 27–68.

Meister, Aloys: Die Anfänge der modernen diplomatischen Geheimschrift. Beiträge zur Geschichte der italienischen Kryptographie des XV. Jahrhunderts, Paderborn 1902.

Meister, Aloys: Die Geheimschrift im Dienste der päpstlichen Kurie, Paderborn, 1906.

Petrucci Nardelli, Franca: Il testo e la cifra per lo studio di un modo di trasmissione disturbatio, in Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken 66 (1986), p. 393–401.

Pizzi, Clemente: Un Amico di Erasmo L'Umanista Andrea Ammonio, Firenze 1956.

Richards, Sheila R. (Ed.): Secret writing in the public records: Henry VIII – George II, London 1974.

Richardson, Glenn: Entertainments for the French Ambassadors at the Court of Henry VIII, in: Renaissance Studies 9 (1995), p. 404–415.

Russell, Joycelyne G.: The Field of the Cloth of Gold. Men and Manners in 1520, New York 1969.

Sicca, Cinzia M./*Waldman,* Louis A. (Ed.): The Anglo-Florentine Renaissance. Art for the Early Tudors, New Haven 2012.

Simonetta, Marcello: L'enigma Montefeltro. Arte e intrighi dalla congiura dei Pazzi alla Cappella Sistina, Milano 2008.

Sowerby, Thomas: The Role of the Ambassador and the use of Ciphers, State Papers Online, 1509–1714, Cengage Learning EMEA Ltd, 2009.

Strasser, Gerhard F.: Lingua Universalis: Kryptologie und Theorie der Universalsprachen im 16. und 17. Jahrhundert (= Wolfenbütteler Forschungen 38), Wiesbaden 1988.

Wilkie, William L.: The Cardinal Protectors of England, Cambridge 1974.

Wodka, Josef: Zur Geschichte der nationalen Protektorate der Kardinäle an der römischen Kurie. Publikationen des ehemaligen Österreichischen Instituts in Rom, Bd. 4.1, Leipzig 1938.

How to cite this Russian language version:

Domnina E.G. ‘Ciphers in early Tudor diplomacy: the personal correspondence of Tommaso Spinelli. Supplement. The letter of Tommaso Spinelli to Leonardo Spinelli’ in 'Art and culture in the Renaissance and Early Modern Period: Essays in honor of Vsevolod Matveevich Volodarsky'. Moskva: Tsentr Gumanytarnych Initsiativ, 2016. P. 254-266+ 1 color plate.

The corrected transcription and Russian language translation of Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University, Spinelli Archive, Gen Mss 109, Box 126, Folder 2583 is on pages 266-267.

The corrected key and the image of the original decipherment of the letter done by Leonardo Spinelli, identified by me as such after the publication of the English language version, are on a plate. It is Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University, Spinelli Archive, Gen Mss 109, Box 127. Folder 2611. Fol. 2r-v.

Российская академия наук
Институт научной информации по общественным наукам

Искусство и культура Европы эпохи Возрождения и раннего Нового времени

Сборник трудов в честь Всеволода Матвеевича Володарского

Центр гуманитарных инициатив
Москва–Санкт-Петербург
2016

УДК 1 (091)
ББК 85
И 86

Главный редактор и автор проекта «Humanitas» С.Я. Левит
Заместитель главного редактора И.А. Осиновская

Редакционная коллегия серии:
Л.В. Скворцов (председатель), Е.Н. Балашова, П.П. Гайденко, И.Л. Галинская, В.Д. Губин, Б.Л. Губман, П.С. Гуревич, А.Л. Доброхотов, Д.В. Ефременко, Г.И. Зверева, А.Н. Кожановский, И.В. Кондаков, М.П. Крыжановская, Л.А. Микешина, Ю.С. Пивоваров, И.И. Ремезова, А.К. Сорокин, П.В. Соснов

Редакционный коллегия тома:
Т.П. Гусарова, Е.Н. Кириллова,
О.Ф. Кудрявцев (ответственный редактор), С.К. Цатурова

Рецензент:
кандидат исторических наук Т.Д. Стецюра

Редактор: М.П. Крыжановская

Серийное оформление: П.П. Ефремов

И 86 **Искусство и культура Европы эпохи Возрождения и раннего Нового времени:** Сборник трудов в честь Всеволода Матвеевича Володарского. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 416 с. (Серия «Humanitas»)

ISBN 978-5-98712-613-4

В сборнике представлены исследования по истории культуры, общественно-политической мысли и искусства Европы позднего Средневековья и раннего Нового времени. Предпочтительное внимание авторов было обращено на частное и уникальное в духовной жизни и социальной практике, на то, как в их конкретных проявлениях воплощались характерные черты миросозерцания, отражался и преобразовывался общественный уклад эпохи. Особое место уделено восприятию и усвоению европейской культурой исторического опыта иных народов и цивилизаций – как прошлых, так и открытых на рубеже Нового времени. Все указанные темы входят в круг исследовательских интересов юбиляра, Всеволода Матвеевича Володарского. Ему участники коллективного труда преподносят и посвящают плоды своих научных изысканий.

Книга иллюстрирована работами мастеров искусства и памятниками культуры XV–XVII вв.

Для всех интересующихся культурной и социальной историей Европы эпохи Возрождения и раннего Нового времени.

В оформлении использован фрагмент картины
А. Мантеньи «Поклонение волхвов» (1461, Уффици, Флоренция)

УДК 1 (091)
ББК 85

ISBN 978-5-98712-613-4

© С.Я. Левит, составление серии, 2016
© Авторский коллектив, 2016
© Центр гуманитарных инициатив, 2016

Е.Г. Домнина

Шифры в дипломатии ранних Тюдоров: на материале личной переписки Томмазо Спинелли[1]

Начало развития шифровального дела в Англии относится к периоду правления Генриха VII Тюдора (1485–1509) и его сына Генриха VIII (1509–1547), когда королевство стало участником крупнейшего международного конфликта того времени – Итальянских войн (1494–1559). Несмотря на то, что Англия не играла в них первостепенной роли, ее участие было заметным и положительно сказалось на утверждении династии Тюдоров как на английском престоле, так и на международной арене.

В настоящее время становление и развитие практики шифровального дела в Англии в Тюдоровскую эпоху не изучены, а существующие исследования касаются лишь отдельных эпизодов использования шифров и кодов, в основном в эпоху правления Елизаветы I[2]. В связи с этим представляется насущным ответить на вопрос о том, кто, когда и при каких обстоятельствах способствовал созданию тюдоровской «черной комнаты» и можно ли вообще говорить о ее существовании в этот период. Решение этой задачи в настоящее время не представляется возможным, прежде всего по той причине, что шифрованные документы Тюдоровской эпохи, ключи к ним и их дешифрованные варианты не собраны в единую электронную базу, которая была бы снабжена различными инструментами для их всестороннего из-

[1] Это расширенный вариант статьи: *Domnina E.* Ciphers in early Tudor diplomacy: the case of Tommaso Spinelli's private letters // Geheime Post. Kryptologie und Stenographie der diplomatischen Korrespondenz europaeischer Höfe während der Frühen Neuzeit. Berlin, 2015. S. 181–194.

[2] Ср.: *Daybell J.* The Material Letter in Early Modern England: Manuscript Letters and the Culture and Practices of Letter-Writing, 1512–1635. London, 2012. P. 148ff.; *Sowerby T.* The Role of the Ambassador and the use of Ciphers, State Papers Online, 1509–1714, Cengage Learning EMEA Ltd, 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://gale.cengage.co.uk/images/Sowerby%20Ambassadors%20and%20the%20Use%20of%20Cipher1.pdf. (дата обращения 05.09.2015)

учения[1]. Подобная систематизация не проведена и в отношении документов такого рода других стран Западной Европы позднего Средневековья – раннего Нового времени. В связи с этим компаративный анализ английской и «не-английской» шифровальной практики возможен, в основном, опять-таки на уровне отдельных «казусных» исследований. Данная публикация представляет собой как раз работу такого характера.

Основной источник для этой публикации – личная неопубликованная переписка Томмазо Спинелли (1472–1522), одного из наиболее заметных дипломатов итальянского происхождения на службе Генриха VII и его сына. В семейном архиве Спиннели, хранящемся в Библиотеке редкой книги и рукописей Байнеке при Йельском университете, насчитывается около ста писем от Томмазо к его младшему брату Леонардо Спинелли (1473–1531), занимавшему должность одного из каноников собора Санта Мария дель Фьоре во Флоренции и спальничьего папы Льва X[2]. Эти неопубликованные и практически неизученные письма служат ценным дополнением к официальной переписке Томмазо, находящейся в собрании Британской библиотеки и Государственного архива Великобритании. Эта часть эпистолярного наследия Томмазо уже хорошо известна благодаря публикациям бумаг и документов правления Генриха VIII, осуществленным в XIX в.[3]

Томмазо Спинелли принадлежал к одной из самых влиятельных флорентийских торгово-банковских семей, которая на рубеже XV–XVI вв. вместе со своими родственниками и деловыми партнерами, а именно Фрескобальди, Гвальтеротти, Барди и самими Медичи была вовлечена в обеспечение финансовых

[1] К сожалению, масштабный проект по оцифровке государственных бумаг Англии от Тюдоров до Ганноверов, осуществленный силами американской компании «Гейл Сенгедж Леарнинг» (State Papers Online 1509–1714 – Gale Cengage Learning), по большей части содержит лишь те документы, которые были отобраны, описаны и систематизированы еще в Викторианскую эпоху британской Королевской исторической комиссией. Ср.: Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the reign of Henry VIII, 1509–47 / Ed. by J.S. Brewer, J. Gairdner and R. H. Brodie. London, 1864–1920. Vol. 1–21 (Далее – LP. Vol.).

[2] Beinecke Rare Book and Manuscript Library. Yale University. Spinelli Archive. Gen. MSS 109. Box 123. Folders 2459–2466; Box 126. Folders 2566-2587. Далее – Spinelli Archive. Box. Folder. Благодарю д-ра М. Симонетту за то, что поделился со мной составленным им списком писем Томмазо.

[3] На их основе Б. Биренс была написана единственная биография Томмазо Спинелли: *Behrens B.* The Office of the English Resident Ambassador: its Evolution as Illustrated by the Career of Sir Thomas Spinelly, 1509–1522 // Transactions of the Royal Historical Society. London, 1933. 4th ser. Vol. XVI.

и дипломатических связей Англии с Европой[1]. Он был самым старшим из одиннадцати детей Гаспаро ди Лионардо Спинелли (1442–1501) и Алессандры ди Пьеро Гвальтеротти и мог бы стать продолжателем семейного дела, однако предпочел карьеру дипломата карьере купца и банкира. Сведения об образовании, которое получил Томмазо, крайне скудны, его нельзя было назвать невеждой, поскольку, как свидетельствует его обширная переписка, он был полиглотом. Помимо родного итальянского он знал латынь, французский и английский, а также, возможно, испанский. В то же время нам практически ничего не известно о степени его начитанности и о возможном интересе к гуманистическим штудиям. Возможно, что в подростковом возрасте Томмазо был отправлен в Нидерланды к своим родственникам по материнский линии Гвальтеротти для обучения банковскому делу и торговле, однако в силу невыясненных в настоящее время обстоятельств оказался вовлечен в большую политику. Летом 1495 г., т.е. менее чем через год после начала военной кампании Карла VIII в Италии, Томмазо был отправлен ко французскому двору как официальный представитель Флорентийской республики до прибытия туда послов Гвидантонио Веспуччи и Нери Каппони. Сведения об этой миссии Томмазо содержатся в письме Совета Десяти к Филиппу де Коммину, однако этот документ не дает представления о ее сути, хотя и характеризует Спинелли как хорошо знакомого Коммину человека[2]. Из этого позволительно заключить, что Томмазо мог и раньше привлекаться для выполнения такого рода поручений. Следующее упоминание Томмазо в связи с дипломатией приходится на 1502 г., когда его

[1] О семье Спинелли см.: *Caferro W., Jacks P.* The Spinelli of Florence: Fortunes of a Renaissance Merchant Family. Pennsylvania, 2001; *Weissen K.* «Ci scrive in tedescho!» The Florentine Merchant-Banker Tommaso Spinelli and his German-Speaking Clients (1435–72) // The Yale University Library Gazette. 2000. Vol. 74. N 3–4; *Weissen K.* Das deutsche Handelsnetzwerk der Florentiner Banken in Rom 1410-1470 // Netzwerke im europäischen Handel des Mittelalters / Hg. von G. Fouquet u. H.-J. Gilomen. Ostfildern, 2010. S. 213–228; *Moran M.* Female letter writing and the preservation of family memory in early modern Italy // Early Modern Women: An Interdisciplinary Journal. 2011. Vol. 6; *Moran M.* Brother-sister correspondence in the Spinelli family and the forming of family networks in sixteenth-century Italy // Sixteenth Century Journal. 2013. Vol. 44. N 1; *De Silva J.M.* Appropriating sacred space: private-chapel patronage and institutional identity in sixteenth-century Rome – the case of the office of ceremonies // The Catholic Historical Review. 2011. Vol. 97. N 4.

[2] *Kervyn de Lettenhove J.* Lettres et négociations de Philippe de Commines. Bruxelles, 1868. P. 213–214. Vol. 2.

имя встречается в переписке Никколо Макиавелли с Синьорией. В письмах, написанных Макиавелли во время его пребывания при дворе Чезаре Борджа в Имоле, он называет Томмазо своим курьером, задействованным для передачи корреспонденции протонотарию Антонгалеаццо Бентивольо[1]. Последний был сыном правившего в Болонье Джованни II, на владения которого Борджа имели претензии. Естественно, даже скромная роль курьера, которая выпала Спинелли в этих событиях, была полезна для него с точки зрения приобретения опыта в дипломатических делах. Следующие несколько лет остаются «темным» периодом в биографии Томмазо, поскольку ни его писем к брату Леонардо, ни упоминаний о нем в других источниках пока не было выявлено.

Примерно с 1505 г. можно проследить его постоянное присутствие в Нидерландах. Письма к Леонардо за период 1505–1509 гг. свидетельствуют о том, что он нередко ездил из Брюгге в Антверпен, Гент и Брюссель по делам фирмы Гвальтеротти и одновременно пытался получить место на дипломатической службе либо при дворе Маргариты Савойской, либо – Генриха VII[2]. В последнем он преуспел, но каким образом это ему удалось, пока остается неясным, поскольку его письма из Англии за период правления этого государя не сохранились. Из первого известного письма Томмазо новому королю Генриху VIII, написанного 26 июня 1509 г. из Гааги по-французски, следует, что он рад был узнать, что его услуги ценились покойным королем и будут в дальнейшем использоваться его сыном. Спинелли также просил Генриха VIII подтвердить его статус английского представителя при дворе Маргариты Савойской[3]. Очевидно, это было сделано, и в ноябре 1509 г. Томмазо с гордостью написал брату из Лондона: «Я прибыл сюда к этому светлейшему королю, своему единственному господину и покровителю, от имени которого я вернусь во Фландрию, чтобы пребывать при дворе светлейшей госпожи Маргариты и служить ему по мере необходимости»[4].

Дальнейшие тринадцать лет, вплоть до своей внезапной смерти в 1522 г., Томмазо Спинелли проработал в качестве дипломатического представителя Генриха VIII сначала в Нидерландах, а затем

[1] *Machiavelli N.* Opere di Niccolò Machiavelli: con giunta di un nuovo indice generale delle cose notabili. Milano, 1821. Vol. 6. P. 268, 313.

[2] Spinelli Archive. Box 126. Folders 2569, 2570, 2571.

[3] *Behrens B.* Op. cit. P. 167; LP. I.N 83. [216.]

[4] «...qui venuto verso questo Serenissimo Re mio signore e padrone a nome del quale mi rietorno in Fiandra per far la residentia in corte della illustrissima madama Margherita e servirlo in quello occorrera». Spinelli Archive. Box 126. Folder 2571, 8.11.1509, London.

в Испании. Где бы он ни находился, он постоянно поддерживал связь со своим братом Леонардо, отправляя ему письма по крайней мере раз в месяц, иногда чаще, в зависимости от ситуации. Очевидно, далеко не все из этих писем доходили до Леонардо и не все сохранялись им, но даже уцелевшая часть свидетельствует об открытости в отношении двух братьев и желании Томмазо делиться с ним не только своими ежедневными радостями и горестями, но и обсуждать с ним свою дипломатическую работу. Разглашение этой информации ввиду ее деликатного характера могло сыграть негативную роль в карьере Томмазо, и поэтому в своей переписке с братом он решил использовать шифр. Не меньшую опасность представляла и возможная утечка сведений о финансовых сделках, которые совершались Спинелли, Гвальтеротти и их партнерами, поэтому информация такого рода тоже подлежала защите.

Именно в таком контексте мы находим первое известное упоминание об использовании шифра в частной переписке Томмазо. В письме от 3 января 1515 г., адресованном в Рим, где, как он считал, находился в то время его брат Леонардо, Томмазо среди прочего писал о получении денег от прихода в деревне Коттингем в Йоркшире, пребендарием которого был Леонардо[1]. Этот бенефиций был дарован ему при поддержке Генриха VIII, которому в мае 1514 г. он доставил дары папы Льва X – шапку и меч защитника веры[2]. В письме Томмазо беспокоился о переводе этих средств Леонардо и не был уверен, что их третий брат, Никодемо, работавший в фирме Барди в Лондоне, правильно осуществил эту операцию. Томмазо предлагал Леонардо использовать шифр, видимо, для дальнейшего обсуждения этого вопроса. Очевидно, что опыт использования шифра в переписке с Леонардо оказался успешным, и после 1515 г. шифрованные фрагменты регулярно встречаются в его письмах брату, однако в большинстве случаев речь в них идет о политических вопросах, а не о финансовых. У нас нет информации о том, использовал ли Томмазо шифры в переписке со своими другими братьями,

[1] Spinelli Archive. Box 123. Folder 2460, 3.01. 1514 [1515], Brussels.

[2] См.: *Домнина Е.Г.* Папский нунций Леонардо Спинелли и его миссия в Англию в 1514 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2014. Выпуск 6 (29) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: http://www.history.jes.su/s207987840000784-1-1 (дата обращения: 05.02.2015); *Домнина Е.Г.* Документы дипломатической миссии Леонардо Спинелли в Англию (март–июнь 1514 г.) // Средние века. 2015. Вып. 76. № 3–4.

так как его письма к ним не сохранились. На основании имеющихся писем Томмазо мы предполагаем, что не использовал, и что ситуация с Леонардо в отношении шифров была действительно уникальной. Уцелевшая часть всей переписки братьев Спинелли свидетельствует о том, что кроме Томмазо шифры для передачи Леонардо информации использовал еще и его младший брат Пьеро. Однако переписка с Пьеро содержала только семейную и деловую информацию[1].

В случае с Томмазо для нас важно то, что примерно в то же время, в январе 1515 г., когда он написал Леонардо о шифрах, упоминание об их полезности для его работы встречается и в его официальной переписке. В письме Генриху VIII от 18 января 1515 г. он сообщал, что отныне будет докладывать о всех важных делах в шифре, а ключ к нему перешлет через губернатора Кале[2]. Вероятно, он не получил ответа по этому поводу от английского правительства, поскольку одно из следующих его писем полно жалоб о том, что его корреспонденция перлюстрируется Габсбургской администрацией в Нидерландах[3].

Судя по всему, подобное происходило с письмами Томмазо и раньше, поскольку уже в 1513 г. в разгар военной кампании Генриха VIII в Пикардии в отчетах миланских послов из Англии встречаются ссылки на данные Томмазо, находившегося в это время во Фландрии[4]. Так или иначе, вероятно, в конце лета 1515 г. просьбы Томмазо о предоставлении ему шифра были услышаны в Англии, поскольку эта тема им больше не поднималась[5]. Шифр, который он использовал для переписки с английским правительством, не менялся на протяжении всей его карьеры[6].

То же самое можно сказать и о личном шифре Томмазо, который он использовал для переписки с Леонардо вплоть до своей кончины (Илл.1). Изменения, которые он вносил, касались лишь отдельных символов. Оригинальный ключ к этому шифру не сохранился, однако нам удалось его реконструировать. Тип шифра, который использовал Томмазо, – однозвучный шифр подстановки, то есть такой шифр, в котором символ открытого текста

[1] Ср.: Spinelli Archive. Box 123. Folder 2460, 5.05.1521, Antwerp.

[2] LP. II. N 35.

[3] LP.II. N 209.

[4] Archivio di Stato di Milano. Carteggio Visconteo-Sforzesco. Busta 568 (maggio 1513). Документы в папке не разобраны по отдельным файлам, их листы не пронумерованы, поэтому ссылка на конкретный лист невозможна.

[5] LP. II. №. 905. 13.09 1515.

[6] *Mattingly G.* Renaissance diplomacy. Baltimore, 1955. P. 215.

может быть заменен одним из нескольких возможных символов. Записанный таким образом текст состоит из целых слов и предложений, но обозначенных символами вместо букв, и, как правило, даже содержит пробелы между словами. Взлом шифра такого рода довольно прост при условии определения языка, на котором написан текст, и использования таблиц частотности употребления букв в этом языке. Символы, которые Спинелли использовал для замены букв в своем шифре, заимствованы из греческого языка, алхимии и астрологии. Часть символов – это просто измененные начертания латинских букв, а одна из них, «H», так и осталась неизменной по начертанию. Стремясь усложнить свой шифр, Томмазо использовал ничего не значащие символы, в качестве которых он употребил знаки, похожие на арабские цифры «4», «6», «9» и латинскую букву «Z». Отметим также, что поскольку процесс шифрования был очень трудоемким, для дипломатических документов этого времени характерно сочетание зашифрованного и открытого текста. И это в полной мере можно проследить и в частных письмах Томмазо.

Вопрос об источнике шифра Спинелли, как официального, так и личного, остается открытым. Шифры такого рода получили распространение в Мантуе, Милане и Римской курии с XIV в., а в других итальянских государствах – с XV в.[1] Однако в Англии до конца XV в. нет сведений об использовании шифров в дипломатической или иной переписке. Как указал британский исследователь И. Артурсон, первое упоминание о шифровании информации относится к делу Перкина Уорбека (1490–1499), самозванца из Фландрии, заявлявшего, что он сын Эдуарда IV, принц Ричард Йоркский, который не погиб в 1483 г. в Тауэре, а чудесным образом спасся. Следствие по делу Уорбека выявило, что его английские сторонники использовали шифровальные книги для ведения переписки, которые, вероятнее всего, были получены ими из-за границы. Артурсон предполагает, что Уорбек и его приспешники могли получить информацию о шифрах от своих иностранных сторонников, императора Максимилиана I и Маргариты Йоркской, вдовствующей герцогини Бургундской,

[1] *Meisner A.* Die Anfänge der modernen diplomatischen Geheimschrift: beiträge zur Geschichte der italienischen Kryptographie des XV. Jahrhunderts, Paderborn 1902; *Meisner A.* Geheimschrift im Dienste der päpstlichen Kurie. Paderborn, 1906. S. 24–118; *Petrucci Nardelli F.* Il testo e la cifra per lo studio di un modo di trasmissione disturbatio // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken. 1986. Vol. 66. P. 1986; *Simonetta M.* L'enigma Montefeltro. Arte e intrighi dalla congiura dei Pazzi alla Cappella Sistina. Milano, 2008.

приходившейся теткой принцу Ричарду Йоркскому[1]. И хотя прямых свидетельств этому нет, нельзя отрицать такую возможность. Как показал в своих исследованиях австрийский историк Г. Висфлекер, Максимилиан был первым из немецких государей, кто стал использовать шифровальные системы в своих владениях и был знаком с разработками И. Тритемия в области полиалфавитного шифрования. Шифрованные записи встречаются в его записных книжках и переписке с близкими[2]. Другой австрийский историк А. Вальдер в своем недавнем исследовании предположил, что Максимилиан мог получить информацию о разработках миланских мастеров шифрования, Чикко Симонетты и Франческо Транкедино, благодаря женитьбе на Бьянке Сфорца в 1494 г.[3] И хотя прямых доказательств этого Вальдер не обнаружил, приводимый им в статье шифр 1513 г., принадлежавший императорскому послу в Риме Альберто Пио, построен на принципах, которые были ими описаны, и содержит ряд символов, которые встречаются по крайней мере в работе Транкедино[4]. Подчеркнем, однако, что делать окончательные выводы в этом отношении пока еще рано. Так или иначе, с помощью Габсбургов или без нее английское правительство получило благодаря делу Уорбека некоторую информацию об использовавшихся на континенте новых способах защиты информации, однако не спешило с их внедрением в свою дипломатическую практику.

Другим источником сведений о шифровальных системах для Англии могла быть Испания, где к началу XVI в. уже существовала сложившаяся криптографическая традиция[5]. Для нас важно то, что, в отличие от дела Уорбека, здесь прослеживается прямое влияние испанских шифров на развитие и формирование английской криптографической системы. Английское правительство, веро-

[1] *Arthurson I.* Espionage and intelligence from the Wars of the Roses to the Reformation // Nottingham Medieval Studies. 1991. Vol. 35. 1991. P. 149.

[2] *Wiesflecker H.* Der Kaiser und seine Umwelt: Hof, Staat, Wirtschaft, Gesellschaft und Kultur. Wien, 1986. S. 493 (Teil. VI. § 5).

[3] *Walder A.* Der letzte Ritter als erster Verschluessler im Reich // Geheime Post. Kryptologie und Stenographie der diplomatischen Korrespondenz europaeischer Hoefe waerend der Fruehen Neuzeit. Berlin, 2015. S. 123-126.

[4] *Ср.: Tranchedino* F. Diplomatische Geheimschriften: Codex Vindobonensis 2398 d. Österr. Nationalbibliothek. Graz, 1970.

[5] *Galende Díaz J.C.* La escritura cifrada durante el reinado de los Reyes Catolicos y Carlos V // Cuadernos de Estudios Medievales y Ciencias y Técnicas Historiográficas. 1993–1994. Vol. 18–19. P. 159–178; *Galende Díaz J.C.* La correspondencia diplomática: criptografía hispánica durante la edad moderna // Actas del VI Congreso internacional de Historia de la Cultura Escrita. Madrid, 2002. Vol. I. P. 149–150.

1505 г., когда Фердинанд Арагонский стал использовать их в переписке со своей дочерью Екатериной, оставшейся в Англии вдовой после смерти своего мужа принца Артура, старшего сына Генриха VII[1]. Всего через несколько лет один из их вариантов в форме шифра простой замены стал применять Джон Стайл, английский посол в Испании (1508–1517)[2].

Наконец, еще одним явным источником информации о принципах шифрования для английского правительства могла быть Римская курия. К началу XVI в. у Тюдоров уже была сложившаяся традиция резидентного дипломатического представительства при папском престоле, а также небольшая, но довольно надежная группа лоббистов их интересов среди кардиналов, нескольких аристократических и купеческих семей, заинтересованных в приобретении бенефициев и торговых преференций в Англии[3]. Главное место среди них принадлежало сначала семейству Джильи из Лукки, а затем Казали из Болоньи. С 1514 г. послом Генриха VIII в Риме был епископ Вустерский Сильвестро Джильи (1463–1521), политик макиавеллиевского типа, отравивший, по слухам, своего предшественника на этом посту, архиепископа Йоркского и кардинала Кристофера Бэйнбриджа (1462/1463–1514). Несмотря на то что ни расследование этого дела, проведенное по приказу Льва X, ни главный биограф Бэйнбриджа, британский историк Д. Чемберс, не смогли доказательно подтвердить виновность Джильи в смерти Бэйнбриджа, его участие в борьбе за эту позицию было и остается очевидным[4]. Не менее очевидным было и желание Т. Уолси, покровительствовавшего Джильи, быть избранным архиепископом Йоркским. «Дело Бэйнбриджа» носило деликатный характер, и не случайно именно в его контексте мы находим первый известный случай применения Джильи шифра в письме к английскому правительству. Это письмо датировано февралем 1515 г., и из его содержания следует,

[1] *Bergenroth* G.A. Remarks on the ciphered messages in the archives at Simancas // Calendar of State Papers, Spain. London, Vol. 1. 1862. P. XII–XIII, XCV, CXXXVII-ff; *Arthurson I.* Op.cit. P. 50.

[2] *Gairdner J.* Introduction // Memorials of King Henry VII. Rolls Ser. London, 1858. Vol. X. P. LIII–LV; *Brewer J.S.* Introduction // LP. I. P. xcvi–xcvii.

[3] *Behrens B.* Op. cit. P. 640-656; *Wodka J.* Zur Geschichte der nationalen Protektorate der Kardinäle an der römischen Kurie. Publikationen des ehemaligen Österreichischen Instituts in Rom. Leipzig, 1938. Bd IV. T. I; *Wilkie W.E.* The Cardinal Protectors of England. Cambridge, 1974; *Fletcher C.* Our Man in Rome: Henry VIII and his Italian Ambassador. London, 2012.

[4] LP. I. № 5253; *Chambers D.S.* Cardinal Bainbridge at the Court of Rome. Oxford, 1964.

что для Джильи это был не первый случай шифрования[1]. Как и шифр Стайла, шифр Джильи был построен по принципу простой замены, однако в отличие от него, пока невозможно установить источник его происхождения[2].

Таким образом, на основании имеющихся данных очевидно, что в первое десятилетие XVI в. на дипломатической службе Англии состояло по крайней мере три дипломата – Джон Стайл, Томмазо Спинелли и Сильвестро Джильи, – которые использовали шифры в своей корреспонденции с королевской администрацией. Однако открытым остается вопрос о том, кто из них – администрация или же сами дипломаты, основываясь на своем зарубежном опыте – были инициаторами этого процесса.

Не менее сложно ответить на вопрос о том, кто в Англии работал с их корреспонденцией. В первые несколько лет с начала использования шифров это был латинский секретарь короля Андреа Аммонио. Он был автором нескольких литературных произведений и входил в круг гуманистов, близких к Т. Мору[3]. Сам Мор, выпустивший свою «Утопию» в 1516 г., не мог не знать о шифровании, поскольку его утопийский алфавит тоже был своего рода шифром[4]. Однако нет никаких данных об его участии в работах по созданию или использованию криптографических алфавитов в Англии. После Аммонио с шифрами работал глава почтовой службы сэр Брайан Тьюк, но имена других, «рядовых» секретарей, работавших с ним неизвестны. Они, несомненно, существовали, поскольку после 1515 г. практика использования шифров становится обычной и для других английских послов в Европе, и трудно предположить, что один человек был в состоянии обрабатывать весь поток корреспонденции от них. Возможно, однако, что количество английских шифровальщиков и дешифровщиков все же было невелико. Доказательством этому может служить тот факт, что английские дипломатические шифры менялись очень редко как при ранних Тюдорах, так и позднее, в Елизаветинскую эпоху[5]. Последнее свидетельствует либо об их большой надежности, обусловленной слабым распространением знания английского язы-

[1] LP. II. № 110.

[2] Ссылки на шифр Джильи см. LP. I–II; Secret writing in the public records: Henry VIII – George II / Ed. S.R. Richards. London, 1974.

[3] Об Аммонио см.: LP. I–II; *Pizzi C.* Un Amico di Erasmo l'umanista Andrea Ammonio. Firenze, 1956.

[4] См.: *Strasser G.F.* Lingua Universalis: Kryptologie und Theorie der Universalsprachen im 16. und 17. Jahrhundert. Wiesbaden, 1988. Vol. 38. S. 69ff.

[5] *Daybell J.* Op. cit. P. 148ff.

ка в Европе XVI в., так что перехват и дешифровка такого письма были малоэффективными, либо о простом недостатке надежного и квалифицированного персонала для работы с ними. Или же можно говорить о сочетании этих двух факторов.

Что же касается личного шифра Томмазо Спинелли, то самым простым объяснением того, что он оставался неизменным на протяжении многих лет, может служить тот факт, что, видимо, он был действительно надежным, и у Томмазо не возникало особых сложностей ни с пересылкой этих писем брату, ни с сохранением их содержания в тайне.

Примером такого рода шифрованного письма Томмазо служит его послание к брату от 2 июля 1520 г., когда он был свидетелем встречи между Генрихом VIII и Франциском I на так называемом Поле золотой парчи, проходившей в июле этого года близ Кале (Илл. 2)[1]. Эта роскошно организованная встреча, подготовленная под тщательным контролем кардинала Т. Уолси, должна была способствовать завершению войны в Италии и установлению общеевропейского мира. По окончании встречи с французским королем Генриху VIII предстояло провести встречу и с императором Карлом V, которая, по мысли Уолси, должна была также привести к заключению союза. Таким образом, Уолси надеялся на создание нового «тройственного союза» Франции, Империи и Англии при доминировании последней. Карл V, со своей стороны, рассчитывал на заключение отдельного англо-германского союза против Франции при участии папы, и поэтому миролюбивая риторика Уолси была ему чуждой. Как показал в своем недавнем исследовании британский историк Г. Ричардсон, Карл V и его канцлер М. Гаттинара вели тонкую дипломатическую игру, пытаясь исподволь, за спиной французского короля убедить Уолси, а через него и Генриха VIII перейти на их сторону, но не преуспели в этом, поскольку их интересы в тот момент не совпадали с интересами англичан[2].

Томмазо Спинелли был задействован в осуществлении этих англо-германских переговоров на стороне Англии, однако его позиция в этом вопросе расходилась с позицией его государя и его первого министра. Томмазо писал брату, что он на стороне папы, то есть по сути поддерживал идею антифранцузского союза императора. Он характеризовал Уолси как непрактичного

[1] Spinelli Archive. Box 126. Folder 2583. Публикация: *Domnina E.* Op.cit. S. 191–192.

[2] *Richardson G.* The Field of Cloth of Gold. New Haven and London, 2013. P. 181–183.

мечтателя и считал, что можно было подготовиться к новой войне с Францией, используя идею о новом крестовом походе и миротворческую риторику Уолси как прикрытие. Стань эти слова известны в Англии, то, наверное, можно было бы говорить о завершении его карьеры.

Однако, судя по всему, это письмо Томмазо благополучно достигло Леонардо и не попало в чужие руки. Более того, Леонардо бережно сохранил его среди других писем брата, как и свою оригинальную дешифровку его содержания (Илл.3). Как это часто бывает в таких случаях, написанный Леонардо дешифрованный фрагмент не был распознан как таковой архивистом при каталогизации архива и поэтому хранится отдельно от самого письма[1]. Он был обнаружен нами случайно, через несколько лет после подбора ключа, последующей дешифровки самого письма и его публикации. Сравнение нашей дешифровки с оригиналом Леонардо позволило выявить некоторые недочеты, в том числе установить несколько дополнительных символов в его шифре, что было учтено в нынешней, новой публикации этого письма.

Частная переписка Томмазо Спинелли с его братом Леонардо дает дополнительные сведения о том, как и при каких обстоятельствах происходило распространение использования шифров в английской дипломатической практике рубежа XV–XVI вв. Она подчеркивает роль связей с Англии с итальянскими государствами в этом процессе и наглядно показывает начало постепенного выделения дипломатии в отдельное «ремесло», примером чего служит карьера Томмазо Спинелли, выходца из флорентийской торгово-банковской династии. Шифрованное письмо Томмазо, которое анализируется в этой статье, обнаруживает, что он осознавал, что его личные интересы, интересы его итальянской родины не совпадают с интересами его английских работодателей, но при этом умел это тщательно скрывать, в том числе и с помощью шифров. В этом отношении можно говорить о том, что перед нами пример не только успешного дипломата, но и шпиона.

[1] Spinelli Archive. Box 127. Folder 2611. Fol. 2r-v.

Приложение

Письмо Томмазо Спинелли Леонардо Спинелли, Антверпен, 2 июля 1520 г.[1]

При транскрипции текст был разбит на предложения, добавлена пунктуация, орфография соответствует оригиналу, дешифрованный фрагмент выделен курсивом, квадратными скобками отмечена внесенная нами правка, подчеркивания в оригинальном тексте воспроизведены при публикации. Ввиду обнаружения оригинальной дешифровки этого письма Леонардо в текст транскрипции были внесены небольшие изменения, поэтому этот вариант является более точным по сравнению с его предыдущей публикацией[2].

Reverende domino nostro fratre honorando, poi partì di Spagna, non vi ho scritto, ne mancò ricevuto vostre. Al reverendissime Cardinale de Medici farete lettera humile recomandandovi, dicendoli, che in Anglia habbì per il Reverendo audientia della camera la sua, el quale andai am[i]citate, et me li offersi, ma per la brevità del tempo et grandi negotij non possemi fare quello saria stato mio desiderio, perché segui li a Cesarea et Cristianissima Maestà ne hebbi agio vacare a particulari affary. Credo, sua Reverendissima Sanctità sara stata advertita dello, che *passò de qua, et per questo non dirò altro tanto e ne con inghilesi, ne con franzesi non se concluso cosa. Di momento che lo sarà, era presso Dio lo sa, et se necessità non constrigne al[l]a concordia, sarà più difficile, || che molti non pensano, et se non fusse per le cose turchesche. Direi, che i[l] nostro signore non pigleassi le materie tanto chaldo, perché non vi vedo vantagio per Sua Santità, et presti me ne fede, credendo, che il nostro cardinale ha di alte fantasie, et sono le cose a termine, che nessuno di <qua> questi dua regi per dubio de l'altro non usa contraddere, et se Sua Santità havessi concluso con Cesare tanto virtuoso et || affectionato, a quello la Santa Sede non se stimereb[b]e, quel[l]o non si deb[b]e. Quanto a fra[n]zest [sic!] vendereb[b]ano la croce per uno loro conmodo et guadagnare tempo, pensando come schappano unno punto, schappare l'altra, ma bene spesso si getta la pietra tanto ennanzi, che poi non se puo tirare indrieto [indietro].*

Hora in questo nostre convento vedrò, dove il tutto si resalverà, ma con sanesi ho altri di queli. Sono qua per il papa, non sono per alargarmi, ma bene, a voi scriverrò. || Et cosi det[t]e al prefato reverendissime et che in me sempre haranno uno fidelissemo servitore.

Et chosi come a don Pedro Dureas dette a me, abatia ha in Chatalognia, vorrei la compiacessi et concedessi a voj, che non vale più di ducati CCC. Et per tal via darebbano causa alli homini spogliarsi in g[i]ubbone, perché ciascuno serve con speranza di premio et remuneratione. Certificandovi, che *li mea argumenti et ragione bastano a le volte a persuadere et dessuadere*, il che sempre sarà a benefitio, honore et utile di q[ue]lla serenissima chasa. L'aulditore della chamera è molto più a intero dal nome, che dalla presentia, il che è molto extimato universalmente et presertim da nostri anglici. *Comunechate tutto con il || reverenlimo et etiam con fratre Niccolò, pregando l'uno et l'altro, che i[l] tutto sia secreto,* valete. Andorpie, die secundo Julii MDXX.

[1] Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University, Spinelli Archive, Gen Mss 109, Box 126, Folder 2583. Благодарю д-ра М. Скандола за помощь в подготовке этого текста к публикации.

[2] Ср.: *Domnina E.* Op.cit. S. 191–192.

Перевод

Ваше Преподобие, достопочтенный брат наш, после отъезда из Испании я не писал Вам и не получал от Вас писем. Напишите его Высокопреподобию кардиналу ди Медичи[1] письмо с нижайшим почтением от меня, сообщив ему, что в Англии я был на аудиенции у Преподобного[2] и был принят благосклонно, и я предложил ему свои услуги, но ввиду недостатка времени и важных дел я не смог сделать, что хотел, поскольку отправился сюда вслед за Императорским[3] и Наихристианнейшим Величествами[4], и теперь у меня есть время на определенные вещи. Я уверен, что Его Святейшеству[5] будет интересно узнать, *что здесь произошло, и касательно этого скажу только, что ни с англичанами, ни с французами ничего пока не заключено. Одному Богу известно, когда это случится и, если не будет нужды в соглашении, то это будет сделать труднее, о чем многие и не задумываются, и, если это и произойдет, то не ради турецких*

[1] Джулиано Медичи (1478–1534)

[2] Возможно, Томас Уолси (1473–1530), архиепископ Кентерберийский

[3] Император Карл V (1519–1558)

[4] Франциск I (1515–1547)

[5] Джованни ди Медичи, папа Лев X (1513–1521)

дел. Я бы сказал, чтобы наш господин отнесся к этим делам спокойно[1]*, потому что я не вижу здесь выгоды для Его Святейшества, и, поверьте моему суждению, наш кардинал*[2] *– большой фантазер, а есть конкретные вещи, под которыми ни одному из этих государей не выгодно подписываться, поскольку они не доверяют друг другу, и если бы Его Святейшество заключил [союз] с императором столь доблестно и полюбовно, [то] Св. престол не считал бы это*[3] *для себя полезным, в этом не было бы необходимости. Что же касается французов, то ради своей выгоды они готовы продать крест и выгадать время, надеясь, что снова обойдется, но очень часто приходится сожалеть о содеянном.*

Сегодня на этой нашей встрече я увижу, как это все разрешится, но у меня вместе с сиенцами отличные от них [интересы]. Я здесь ради папы, а не для собственного продвижения. Однако довольно, я Вам напишу. Так и скажите вышеназванному Высокопреподобию, что он имеет в моем лице самого преданного слугу.

И, по словам дона Педро Дуреаса[4], в Каталонии есть аббатство, дарованием которого я хотел бы Вам угодить, и оно не стоит более 300 дукатов, и, таким образом, у людей появился бы повод поработать не спустя рукава, поскольку каждый работает не за просто так. Будьте уверены, *что я умею убеждать и разубеждать*, и всегда буду стараться быть полезным для преумножения достатка и чести этого светлейшего дома. Аудитора палаты[5], вопреки его названию, в ней не застанешь, но его везде очень ценят и в особенности наши англичане. *Обсудите все с его Высокопреподобием и также с братом Никколо*[6]*, прося и того, и другого все хранить в секрете*. Будьте здоровы. Антверпен, 2 июля 1520 г.

---

[1] Видимо, Джулиано Медичи.

[2] Т. Уолси.

[3] То есть, вероятно, не нужно было бы ждать, о чем договорятся короли Англии, Франции и император, если бы папа уже заключил союз с императором против Франции.

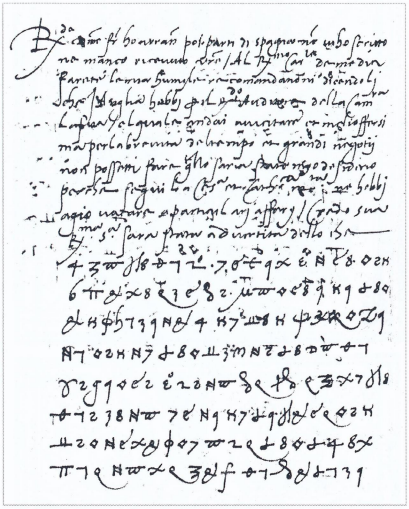
[4] Один из испанских контактов Спинелли.

[5] Скорее всего, Иеронимо Гинуччи (1480–1541), будущий епископ Вустерский.

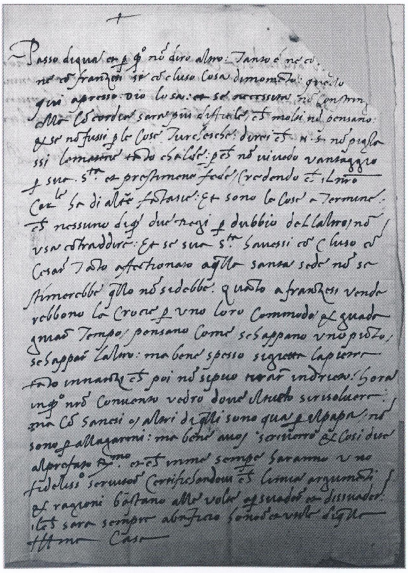
[6] Скорее всего, Николаус фон Шёнберг (1472–1537), будущий епископ Капуи и кардинал.

Буква	Символ	Буква	Символ	Буква	Символ	Буква	Символ
A		H		R		NN	
B		I		S		PP	
C		L		T		Qua	
D		M		U/V		Que	
E		N		Z		RR	
F		O		Nulla		SS	
G		P		CC FF		TT	

Илл. 1. Ключ к личному шифру Т. Спинелли, 1515–1522 гг. Реконструкция



Илл. 2. Письмо Т. Спинелли к Л. Спинелли, Антверпен, 2 июля 1520 г. (Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University, Spinelli Archive, Gen Mss 109, box 126, Folder 2583. Fol 1r.)



Илл. 3. Дешифровка шифрованного фрагмента, выполненная Л. Спинелли (Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University, Spinelli Archive, Gen Mss 109. Box 127. Folder 2611. Fol. 2r)